

МРНТИ 04.21.51
Научная статья

<https://doi.org/10.32523/3080-1702-2026-154-1-7-26>

ДИСКУРС ПОСТПАМЯТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ МЕДИАЛАНДШАФТЕ

З.Т. Абетова^{*1}, Ф.Д. Жумаканова², А.Д. Абуова³

^{1,3}Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан

²Карагандинский технический университет имени Абылкаса Сагинова, Караганда, Казахстан

(E-mail: ^{*1}abetova_zt@enu.kz, ²fadik1637@gmail.com, ³akmanat.dauletkyzy@gmail.com)

Аннотация. Память как ключевой элемент теоретических и дискурсивных исследований нации открывает множество возможностей для переосмысления существующих исторических нарративов. Вопрос, как коллективное прошлое становится частью актуальной идентичности, приобретает особую значимость в современных дискуссиях о том, как и что должна помнить нация. В этом контексте особенно важным становится изучение постпамяти как формы коллективной работы с прошлым, влияющей на формирование национальной идентичности.

Цель представленного исследования заключается в формировании релевантного аналитического представления о мнемоническом дискурсе постпамяти как значимом элементе в динамике национальной идентичности. Методологическая рамка анализа включает современные научные подходы и концепции памяти (П. Нора, М. Хальбвакс, Дж. Олик), постпамяти (М. Хирш), а также транслокальной памяти (А. Ригни, А. Эрлл), в которых коллективная память и постпамять определяются как важные компоненты мнемонических сообществ, задающие динамику национальной идентичности.

Результатом исследования стало выявление мнемонического содержания дискурса постпамяти с применением качественной методологии тематического анализа данных репрезентативных медиатекстов. Авторы приходят к заключению о том, что постпамять реализуется в различных формах мемориальной деятельности ее носителей и «производит» социальные рамки национальной идентичности, реинтерпретируя коллективное прошлое.

Сформулированные в работе выводы могут служить методологической основой для изучения динамики постпамяти в контексте национальной идентичности, а также для разработки направлений мемориальной политики, ориентированной на реинтеграцию гражданского общества. Исследование вносит вклад в понимание мнемонического дискурса постпамяти, играющего значимую роль в трансформации публичного мемориального поля постпамяти в контексте национального сообщества.

Ключевые слова: постпамять, мнемонические формы, коммеморативные практики.

Поступила: 02.08.2025; Доработана: 29.01.2026; Одобрена: 27.03.2026; Доступна онлайн: 31.03.2026

*автор для корреспонденции

Введение

Мнемоническая деятельность является частью процесса динамики наций и оказывает влияние на изменение геополитических конфигураций и региональные трансформации. В условиях глобализированной экономики, медиасреды и цифровой мобильности происходит активная реконфигурация коллективной памяти, что задает новые ориентиры для анализа процессов формирования национальной идентичности. Таким образом, актуальность исследования определяется необходимостью концептуального осмысления роли мемориальных практик в формировании национальной идентичности, а также потребностью в разработке методологического инструментария к ее изучению.

Объектом исследования выступили кейсы мнемонических практик носителей постпамяти (фильмы, музейный нарратив, арт-практики). В качестве предмета исследования определено мнемоническое содержание мемориальных практик дискурса постпамяти. Цель работы – формирование релевантного аналитического понимания мнемонического дискурса постпамяти как значимого элемента в динамике национальной идентичности. Для достижения поставленной цели выделены следующие задачи:

1. Структурировать корпус концептов, раскрывающих исследовательскую перспективу изучения постпамяти в контексте формирования национальной идентичности.

2. Выявить мнемоническое содержание мемориальной риторики носителей постпамяти как значимого элемента процесса национальной идентификации, ее артикуляции в фильмах, музеях, арт-практиках.

Обзор литературы

Коллективная память является ключевым компонентом мнемонической общности, оказывающим влияние на формирование национальной и социальной идентичности. Как писал исследователь национальной идентичности Смит Э., «чувство преемственности с прошлым, связанное с чувством общего происхождения, является наиболее важным генератором коллективной лояльности и веры в общую самобытность» (*Smith, 1999, p. 180*). Именно память формирует у граждан чувство общности происхождения и эмоциональную лояльность к национальному сообществу.

Один из значимых исследователей коллективной памяти, Дж. Олик подчеркивает роль коллективной травмы как катализатора национальных процессов: «память – это результат продолжающегося дискурса воспоминаний, на которую значительное влияние оказывает коллективная травма (*Olick, 2018, p. 214*). Он отмечает, что источником современной концепции травмы стало «значительное эпидемиологическое расширение опыта травмы, причиненной индустриальным механизмом, который создал экзистенциальные разрывы» (*Olick, 2018, p. 213*). Таким образом, в концепции Олика память связана с процессами генезиса модернистских наций и изменением экзистенциальных условий современного человека.

Следует отметить, что катализатором социальной памяти служит также опыт репрезентации коллективной травмы. Александр Дж. В своей концепции культурной травмы определяет ее как свойство, формируемое в процессе репрезентации события, признаваемого травмирующим. По словам Александра, «событие получает статус травмы, только если происходит резкое смещение упорядоченных, привычных смыслов сообщества» (Александр, 2012, с.18).

Поскольку коллективные травмы не только переживаются, но и воображаются и репрезентируются, они становятся точками пересмотра и переосмысления коллективной идентичности. Обзор методологических подходов к исследованию памяти позволяет понять, как актуализируется национальная идентичность в процессе динамики «воспоминания» агентами постпамяти.

Основы исследования памяти заложил Нора П. (*Nora, 1996*), который ввел в оборот концепт «мест памяти» как символических пространств (памятники, музеи или культурные тексты), объединяющих представление о прошлом и формирующих коллективную идентичность (*Нора, 1999*).

Теоретическое оформление концепта коллективной памяти связано с работами Хальбвакса М. (*Halbwachs, 2020*). Он утверждал, что память отдельного индивида всегда опосредована принадлежностью к социальной группе: индивид «вспоминает» личные события в «социальных рамках», сформированных коллективом в ходе социальных взаимодействий (*Хальбвакс, 2007, стр. 36–38*). Идея, о том, что индивидуальная память функционирует в социальном контексте, формируется окружением отдельного индивида и не может быть сформирована вне этих рамок, стала ориентиром для понимания феномена в контексте национальных процессов (*Halbwachs, 2007, p. 348*).

Признание нации самым важным мнемоническим сообществом, а коллективную память – ключевым понятием, объясняющим национальную идентичность, стало вектором последующих исследований. Так, Олик Дж.К. отмечает взаимосвязь национальной идентичности и коллективной памяти в политике и общественной жизни, в которой «память связывает категориально запоминание и забывание, что позволяет представить и переосмыслить категории нации и национальной идентичности» (*Olick, 1998, p. 378*).

Ассман Я. В рамках концепции культурной памяти разделил коммуникативную и культурную память, подчеркивая, что культурная память носит институциональный характер, воплощается в символических формах: памятниках, музеях и других мнемонических институтах (*Assmann, 2010, pp.109-115*). Культурная память как элемент формирования национальной идентичности может играть ключевую роль в легитимации политического порядка, а также преодолении исторических травм через конструирование определенных нарративов. Важнейшее свойство культурной памяти – её динамичность, проявляющаяся через текстовые источники (мемуары, хроники), визуальные образы (картины, кинофильмы), архитектуру (памятники, храмы), цифровые технологии. Ассман А. рассматривает концепт национальной памяти как институционализированное знание о ключевых событиях истории нации, принятие ее символов, эмоциональную привязанность к ее торжественным датам (*Assmann, 2010*).

Исследования постпамяти, политики памяти, мнемонических конфликтов получили интенсивное развитие в течение последних десятилетий. Хирш М. ввела понятие «постпамять», определив ее как процесс пересмотра национальной идентичности и повторное воспоминание коллективного прошлого (*Hirsch, 2008*). Постпамять она выделила из исторической памяти, под которой она понимает все воспоминания, которые достаются человеку через посредников. Официальная память – это продукт государственной политики памяти, которая транслируется через коммеморативные практики (ритуалы памяти, создание исторических мемориалов, государственные

праздники). Постпамять конструируется поколением, которое дистанцировано от транслируемых значимых событий коллективного прошлого и поэтому реинтерпретирует их.

Еще один важный концепт – «протезная память», введенный Элисон Ландсберг, как «память о событиях, с которыми индивид лично не сталкивался и которые не имеют отношения к событиям национальной истории страны его принадлежности, но к которым он испытывает определенное эмоциональное отношение» (*Landsberg, 2008, pp. 148–149*).

Энн Ригни (*Rigney, 2005; Rigney, 2015; Rigney, 2022*) предложила рассматривать культурную память как «работающую память», непрерывно актуализируемую индивидами и группами по мере их воспоминаний о прошлом. Эта память избирательно артикулируется через различные медиа, участвующие в производстве и циркуляции мнемонических нарративов. Ригни также отмечала, что «коллективные нарративы периодически адаптируются, хотя зачастую и под принуждением, чтобы соответствовать потребностям меняющегося настоящего» (*Rigney, 2022, p. 6*).

Значительную роль в смене мнемонических режимов играет мемориальная культура, определяющими элементами которой выступают памятники. Ригни определяет памятники в качестве «актантов в меняющихся сборках, которые объединяют материальные объекты, нарративы, места и человека, действующих лиц в меняющихся созвездиях» (*Rigney, 2022, p. 15*). Памятники выступают узловыми точками воспоминаний, представляя собой материальное воплощение исторического нарратива.

Постпамять также можно рассматривать как транскультурную путешествующую память. Концепт «транскультурной призмы памяти» ввела Эрлл А.; она полагает, что «в процессе создания культурной памяти люди, средства массовой информации, мнемонические формы, содержание и практики находятся в постоянном, непрерывном движении» (*Erlil, 2011, p. 26*.) Эрлл А. подчеркивает, что «социальная» память – это зонтичный термин, который включает в себя «социальную память», «материальную или медиальную память» и «ментальную или когнитивную память» (*Erlil, 2008, p. 4*).

Эрлл выделяет пять измерений путешествующей памяти: носители, средства массовой информации, содержание, практики поминовения и мнемонические формы (*Erlil, 2011*): «1. Носители памяти – это те, кто «разделяют коллективные образы и повествования о прошлом, практикуют мнемонические ритуалы, демонстрируют унаследованный габитус и могут использовать репертуар явных и неявных знаний»; 2. Медиа и медиатехнологии выступают каналами перемещения содержимого памяти для преобразования ландшафтов воспоминаний; 3. Содержание памяти, по Эрлл, «состоит из общих образов и повествований; ... постоянное «путешествие» мнемонических содержаний ..., их постоянная интерпретация и обновление, ... непрекращающаяся конкуренция среди различных групп населения «создают воспоминания»»; 4. Практики поминовения, ритуальные действия, которые служат дополнительным средством путешествия памяти; 5. Мнемонические формы – это «сжатые фигуры (символы, значки или схемы) запоминания, которые позволяют повторять и часто сами являются мощными носителями значения» (*Erlil, 2011, p.11 – 13*).

Некоторые исследователи отмечают, что, «даже там, где политика памяти продвигает национальную повестку дня, она имеет тенденцию быть по своей сути

глобально ориентированной» (Bond, 2018, p.4). Глобальная память, космополитическая память и транскультурная память – это новые понятия, которые появились для описания мнемонических явлений, выходящих за рамки локальных масштабов (Levy & Sznaider, 2002). Бьоркдал А., Каплер С. Выдвинули проблему профессионализации и коммерциализации практик памяти, утверждая, что эти процессы преобразуют местные воспоминания в глобальные дискурсы через создание стандартизированных мемориалов и гомогенизацию памяти в транснациональном пространстве (Björkdahl & Kappler, 2019, p. 383).

Лаанес Э., Маргет М., Астаховска И. разработали концепцию «транскультурных мемориальных форм». В их работах изучается, как эстетические медиа, имеющие глобальный способ обращения, используются для артикуляции локальных воспоминаний. Этот процесс рассматривается как форма культурного перевода локального опыта запоминания в глобальную идиому (Laanes, 2021, p. 43; Tali & Astahovska, 2022). Концепция культурного перевода воспоминаний также применяется к анализу изобразительного и перформативного искусства как мощных транскультурных мемориальных форм, а также охватывает различные практики, посредством которых осуществляется этот перевод.

Отечественные исследования памяти раскрывают эпистемологию мест памяти, коммеморативную политику государства, процесс мемориализации памяти в регионах Казахстана (Медеуова и др., 2016). Трансформация культурного капитала в процессе мемориализации отражена в работах Алим Бисеновой (Бисенова, 2016).

Резюмируя базовые положения современных методологических подходов в исследовании памяти, мы выделили следующие категоризации в качестве концептуальной перспективы исследования постпамяти:

1. Коммеморативные практики – практики, в которых формируются символические образы интерпретаций прошлого нации в текстах, музеях, мемориалах, ритуалах памяти.

2. Мнемонические формы – это символы, образы значимых событий и «фигур памяти», выражающие значение травматических событий как катализаторов «воспоминаний».

3. Мнемоническое содержание – совокупность устойчивых символических образов и нарративов воспоминаний, вокруг которых формируется культурная коллективная память.

4. Постпамять – особая форма коллективного воспоминания. Может рассматриваться как:

а) «протезная» культурная память, формируемая поколением, дистанцированным от событий, важных для самоопределения нации; конструируется с опорой на текущие потребности в формировании национальной идентичности, транслируется через нарративы предыдущих поколений, но не определяется ими;

б) путешествующая память или мнемоническая система, функционирующая через перемещения между носителями, медиа, содержанием, практиками поминовения и мнемоническими формами;

в) транскультурная память, артикулируемая посредством медиатехнологий, обладающих глобальным способом обращения. Эти технологии осуществляют культурный перевод локального опыта и способов запоминания в универсальные мемориальные идиомы, понятные глобальной аудитории.

Материалы и методы исследования

Аналитическая рамка данного исследования задана концепциями коллективной памяти (П. Нора, М. Хальбвакс, Дж. К. Олик), постпамяти (М. Хирш) и транслокальной памяти (А. Ригни, А. Эрлл), в которых коллективная память и постпамять определяются как важные механизмы мнемонических сообществ, объясняющие динамику национальной идентичности. Данные подходы помогают понять роль постпамяти как части коллективной памяти в мнемонических процессах и динамике национальных сообществ.

Исследовательский вопрос сформулирован следующим образом: *какие символы и образы коллективного прошлого и национальной самоидентификации транслируются носителями постпамяти в Казахстане в фильмах, музейной практике и арт-практиках?*

В качестве гипотезы выдвигается тезис о том, что постпамять – это процесс пересмотра национально-коллективной идентичности посредством мнемонической реконструкции коллективного прошлого носителями постпамяти как важными мнемоническими субъектами. Носители постпамяти «производят» собственные инварианты как национальной и социальной идентичности, так и символические предикаторы (маркеры) принадлежности к национальному сообществу.

Процесс исследования состоял из этапов: 1) Определения методологического материала и логическое структурирование концептов, посвященных анализу коллективной памяти в контексте динамики национальной идентичности; 2) Отбор эмпирического материала – выбор мнемонического контента, представленного в медиaprостранстве носителями постпамяти через репрезентации исторической памяти; 3) Тематический анализ медиаданных – выделение ключевых тем и категорий, структурирующих содержание памяти в представленных данных.

Для решения исследовательских задач применена качественная методология тематического анализа мнемонического контента, представленный в коммеморативных практиках носителей постпамяти. Цель тематического анализа – выявление символов и образов, используемых носителями постпамяти для формирования воспоминаний и их трансляции через мемориальные практики. Объект – элементы мнемонического контента постпамяти (кинофильмы, музейные практики, арт-практики), предмет – символы и образы, репрезентирующие мнемоническое содержание дискурса постпамяти.

Эмпирический корпус включал: 1) два кинофильма, посвящённые репрезентации коллективного прошлого; 2) визуальные материалы музеев Карлага и АЛЖИР, представленные в социальных сетях; 3) арт-объекты художников, отобранные по принципу тематической релевантности с использованием хэштега #kazakhstan #qazaq #қазақ #history #culture.

Тематический анализ позволил выявить мнемонические паттерны и формы символического воспроизведения исторического прошлого и коллективных травм, конструируемых в медиапрактиках. Интерпретация производилась через выделение устойчивых тем, фигур воспоминаний и контекстов их применения. В ходе анализа уточнены и операционализированы ключевые категории исследования:

– Носители постпамяти – субъекты, включенные в процесс мнемонической деятельности из потребности в формировании национальной идентичности и коллективной солидарности.

– Мнемонические практики – формы символической репрезентации прошлого в кино, текстах, музеях, медиаконтенте.

– Мнемоническая форма как носитель значений – это «фигуры воспоминаний», репрезентирующие травматические события коллективного прошлого.

Постпамять – интерпретирующая память, производимая в медиапрактиках, на основе повторного «воспоминания» (интерпретации) коллективного прошлого поколениями, дистанцированными от исторических событий.

- Носители постпамяти конструируют собственные инварианты национальной идентичности и символические предикаторы (маркеры) принадлежности к национальному сообществу.

– Рамки «протезной» постпамяти – это содержание процесса пересмотра национальной идентичности акторами постпамяти на основе реинтерпретации коллективного прошлого.

– Медиа технологии – фото, кино, артпрактики.

Единицы и критерии анализа:

– Единица анализа – темы, которые репрезентируют события коллективного прошлого.

– Единица отбора – ситуация «конструирования» коллективного прошлого как воспоминания.

– Критерии отбора – мнемоническое содержание: фигуры воспоминаний, значение, контекст.

– Источник сообщения – медиаконтент, описывающий данные события.

Результаты и их обсуждение

Для анализа выбраны два кинофильма: «Міржақып. Оян, қазақ!», фильм, репрезентирующий политические репрессии в коллективном прошлом через повествование о жизни Мыржақыпа Дулатова, одного из лидеров «Алаш-Орды», (2023) и «ҚАШ» (2022) – фильм представителя постпамяти, молодого режиссера А. Сеитова, отсылающий зрителя к истории трагедии в казахских степях 1930-х годов.

Результаты анализа фильмов как переосмысление опыта прошлого в дискурсе постпамяти представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Тематический анализ фильмов как носителей постпамяти

Фильм	Категория тематического анализа	Код
«Міржақып. Оян, қазақ!»	Тема	Тема национального осмысления исторической, политической и культурной судьбы, борьбы за независимость.
«ҚАШ»		Символ исторической травмы под давлением голода и политики.
«Міржақып. Оян, қазақ!»	Фигуры памяти	Міржақып Дулатұлы – образ трагедии народа, визионер, призывающий к просвещению и самосознанию. Деятели партии «Алаш Орда» – отражение исторического коллективного проекта

«ҚАШ»		Исатай – персонаж, раскрывающий социально-философскую проблематику фильма в контексте происходящих исторических травмирующих событий. Алим – персонаж, символизирующий продолжение рода и новое поколение, трансформирующее культурную идентичность, родной язык и коллективное самосознание; отсылка к современной языковой проблематики Казахстана. Жезтырнақ – образ обезчеловечивания и утраты моральных ориентиров; материнская фигура, потерявшая ребёнка, носительница боли и безумия. Солдат – проводник в дороге, символ модернизации и двойственности исторической роли.
«Міржақып. Оян, қазақ!»	Содержание постпамяти	Реинтерпретация событий политических преследований как части коллективной травмы казахского народа
«ҚАШ»		Трансляция событий 1930-х годов в контексте осмысления невысказанной коллективной травмы

1) Кинофильм «Міржақып. Оян, қазақ!». Сюжет: фильм отсылает зрителя к травме репрессий и преследования казахской интеллигенции в лице его героя Міржақыпа Дулатұлы – лидера национального правительства «Алаш-Орда», охватывая 1909 – 1935 годы. Контекст: события политических преследований как часть коллективной травмы. Мнемоническое содержание: в качестве фигуры памяти представлен образ известного политического деятеля и поэта, призывающий к национальному просвещению. Значение контента: трансформация коллективной идентичности в результате колонизации и травмирующие события как фактор пробуждения национального самосознания.

Рисунок 1 – Кадры фильма «Міржақып. Оян, қазақ!»

Примечание: составлено на основании данных [31]

Рисунок 2 – Постер фильма «ҚАШ»

Примечание: составлено на основании данных [32]

2) Кинофильм «ҚАШ». Сюжет: 1930-е годы, Казахская АССР, в отрезанном от мира ауле от голода массово умирают люди. Контекст: Ашаршылық – голод 30-х годов в казахской степи на фоне индустриализации. Значение мнемонического содержания фигур памяти – разрушение экзистенциальных ценностей степняков в результате модернизации: по дороге герой встречает обезумевших жертв голода – Жезтырнак, Тепе, теряющих человеческий облик; фиксация в персонажах изменения мироощущения, моральных и нравственных идеалов жителей казахской степи; отсылка к современной языковой и идентификационной проблематике общества.

Поскольку медиапространство постпамяти включает различные форматы мемориальных практик, следующим объектом анализа стала музейная мемориализация, в том числе в цифровом формате, через визуальные и текстовые представления в социальных сетях. Эти формы репрезентации отражают переосмысление травматического опыта и являются важной частью современного коммеморативного контента. Музеи как политические и моральные учреждения представляют культурные реинтерпретации прошлого. Как конструкторы смысла они обладают авторитетом, которого редко достигают иные культурные рассказчики, вследствие легитимации исторического опыта официальным дискурсом (Walby & Piché, 2016).

Массовые политические репрессии нашли отражение в музеях – местах расположения крупных лагерей: КАРЛАГ, АЛЖИР. Данные музейные нарративы важны как объективные свидетельства в топографии памяти коллективного прошлого, позволяющие рефлексировать исторические травмы. В 2001 году был основан музей памяти жертв политических репрессий посёлка Долинка (Музей КАРЛАГ), расположенный в Карагандинской области Казахстана, в бывшем здании управления лагерей КАРЛАГ, созданного в декабре 1930 года [33]. Музейно-мемориальный комплекс жертв политических репрессий и тоталитаризма «АЛЖИР» (Акмолинский лагерь жён изменников родины) был открыт 31 мая 2007 года в ауле Акмола Целиноградского района Акмолинской области в память о репрессированных жёнах расстрелянных «врагов народа».

В рамках исследования анализировались следующие визуальные данные: 1) страницы музея, представленные в сети Instagram @museumalzhir, (создан в сентябре

2016 года), включающие 1640 публикаций с фото и видеоматериалами [34]; 2) страницы @karlagmuseum (ДОЛИНКА) в сети Instagram, содержащие 1207 публикаций с февраля 2018 года [35].

I. Визуальные данные музея АЛЖИР

Рисунок 3 – День памяти жертв политических репрессий, АЛЖИР

Примечание: составлено на основании данных [34]

Рисунок 4 – Детским взглядом на историю репрессий

Примечание: составлено на основании данных [34]

Рисунок 5 – Виртуальный тур 3D по экспозициям музея «АЛЖИР».

Примечание: составлено на основании данных [34]

Рисунок 6 – «Мы свидетельствуем»
Примечание: составлено на основании данных [34]

Рисунок 7 - Выставка – "АЛЖИР" – неизгладимая память истории".
Примечание: составлено на основании данных [34]

Рисунок 8 – Знаменитые имена «АЛЖИРА»
Примечание: составлено на основании данных [34]

II. Визуальные данные музея КАРЛАГ

Рисунок 9 – День памяти жертв политических репрессий и голода
Примечание: составлено на основании данных [35]

Рисунок 10 – Карта ГУЛАГА
Примечание: составлено на основании данных [35]

Рисунок 11 – Ахмет Байтұрсынов
Примечание: составлено на основании данных [35]

Тематический анализ визуальных данных музейной практики показывает, что мемориальная память музейных нарративов представляет их, с одной стороны, как места памяти в контексте официального дискурса, с другой, репрезентирует и «память» фигур памяти – социальную память жертв массовых политических репрессий (Таблица 2).

Таблица 2. Результаты тематического анализа музейных нарративов как мест памяти

Объект	Категория анализа	Код
1.@museumalzhir [34] 1640 публикаций 2.@karlagmuseum [35] 1207 публикаций	Мнемонические формы	Символы – образы значимых событий и «фигуры памяти», выражающие значение травматических событий как катализаторов «воспоминаний». Фигуры памяти – образ жертв политических репрессий: политические деятели, члены их семей – женщины, дети (рис. 4, 6, 8, 11). Материальные атрибуты воспоминаний: тюремно-лагерная атрибутика, карты, и другие вещественные свидетельства как актанты в сборках исторической памяти трагических событий (рис. 5, 7, 10). Топография маршрутов памяти как материализация повествований (рис. 7, 10)
	Нарративы	Памятные даты как поминовения маркированных исторических событий (рис. 3, 9). Повествование исторических событий коллективного прошлого как культуры памяти
	Способы и технологии передачи воспоминаний	Текстуализация и визуализация (тексты, изображения, объекты, строения): фото, экспозиции, видео, декорации, экскурсии, театрализация исторических событий

Содержание путешествующей постпамяти транслируется в музеях посредством мнемонических символических воспоминаний, представленных медиатехнологиями – видеороликами с трансляцией архивных документов и театрализацией прошедших событий. Практики поминовения на страницах музеев охватывают календарные даты, как День памяти жертв политических репрессий – 31 мая, так и другие значимые события страны.

Следующий эмпирический объект тематического визуального анализа постпамяти – это арт-объекты, созданные художниками – представителями поколения постпамяти, найденные по хэштегу #kazakhstan #qazaq #қазақ #history #culture и отобранные по тематической релевантности (предметом анализа остаются темы и символы, в которых транслируются образы коллективного нарратива). Основной исследовательский вопрос: Какие символы транслируются отечественными художниками как носителями постпамяти в современном искусстве?

Страница «Иллюстраторы Казахстана» @illustrators_kz объединяет художников страны, и имеет 2247 публикаций [36]. Контент-анализ Instagram-страницы @illustrators_kz показывает, что примерно 97% (остальные посты – рабочие объявления) визуального контента посвящены национально-культурной тематике: использованию

казахских орнаментов, традиционных предметов быта в современной коннотации, образов исторических личностей и мотивов национальной и культурной идентичности в современном визуальном исполнении (Таблица 3).

Таблица 3. Тематический анализ дискурса арт-практик

Категория	Код	Картины
Фигуры как символические образы коллективной идентичности	Символы, демонстрирующие тему национальной и культурной идентичности	Иллюстрации на странице @illustrators_kz [36], (2247 публикаций)
Символика культурной памяти	Образы национальной, номадической эстетики, атрибуты традиционных культурных практик	

Результаты анализа указывают на ярко выраженный фокус страницы как медиaplatformы постпамяти и культурной коммеморации в цифровом пространстве. Платформа может рассматриваться как виртуальное коммеморативное пространство (по Ригни).

Рисунок 12 – Иллюстраторы Казахстана

Примечание: составлено на основании данных [36]

Визуальный анализ медиаданных арт-объектов отечественных художников демонстрирует: 1) тему поиска культурной идентичности; 2) символическое обращение к образам, идеализирующим этнокультурные ценности и практики.

В результате тематического междисциплинарного анализа дискурса постпамяти в казахстанском медиaprостранстве было выявлено, как символы и образы используются носителями постпамяти в коммеморативной репрезентации коллективного прошлого. Это позволило ответить на исследовательский вопрос.

Носители постпамяти в Казахстане в фильмах, арт-практиках и музейном нарративе «мест памяти» репрезентируют символы и образы событий исторического прошлого, транслируя национальные и этнокультурные символы коллективной самоидентификации. Мнемонические формы в дискурсе постпамяти представлены

фигурами воспоминаний как символами трагических событий прошлого страны. При этом мемориальная деятельность, транслируемая в музейной практике, в отличие от контента фильмов, синтезирована с официальной памятью. Мнемоническое содержание постпамяти включает: а) коллективные травмы – политические репрессии и голод 1930-х гг. (музейная коммеморация и фильмы); б) рефлексию современной ситуации (идентичность, языковая ситуация, контекст) – фильмы.

В дискурсе постпамяти в кинофильмах и арт-практиках медиаконтент используется как инструмент построения инварианта культурной идентичности, посредством обращения к прошлому в историческом ключе. Рассмотренные арт-практики транслируют мнемоническую визуальную рамку казахской идентичности (по Хирш – постпамять), участвуя в формировании постпамяти и визуальной национальной идентичности в цифровом пространстве.

Заключение

Результаты исследования позволили определить содержание мнемонического дискурса постпамяти на основе концептуализации корпуса теоретических подходов к коллективной памяти и эмпирического анализа данных репрезентативного медиаконтента в рамках дискурса постпамяти. Исследование вносит вклад в развитие теоретико-эмпирического анализа феномена постпамяти:

- осуществлено логическое структурирование корпуса концептов как методологического инструментария исследования феномена постпамяти в контексте конструирования культурной, национальной и социальной идентичности на основе применения междисциплинарного подхода;

- выявление мнемонического содержания мемориальных практик носителей постпамяти позволило эмпирически подтвердить выдвинутую гипотезу и обозначить маршруты постпамяти – фильмы, музейные места памяти, художественные практики. В этих нарративах осуществляется реинтерпретация прошлого посредством обращения к символически значимым образам истории, отражая запрос акторов на осмысление актуальных проблем национальной самоидентификации;

- произведена концептуализация концепта постпамяти. Мнемоническая реконструкция коллективного прошлого его носителями выражена в различных формах мемориальной деятельности, в которых «производятся» собственные инварианты национальной идентичности. Когнитивные конструкции, транслируемые в этих практиках, актуализируются в идеях, визуальных образах и символических репрезентациях, маркируя значимые исторические события и отражая их запрос на идентичность.

Таким образом, носители постпамяти используют медиaprостранство как платформу для артикуляции локального опыта постпамяти. Применяемые ими способы, инструменты и практики формируются в рамках транскультурной сети медийной коммуникации, что позволяет интегрировать интерпретации прошлого в более широкий культурный контекст.

В мемориальных практиках дискурса постпамяти также актуализируется современная интерпретация культурного кода, которая формируя символический ресурс для самоидентификации, задаёт направления национальной принадлежности через коллективные нарративы. В пространстве постпамяти отчётливо виден

вектор на интерпретацию национальной идентичности, в основе которого лежат травматические события прошлого, в полной мере «непроговоренные» в публичном дискурсе предыдущими поколениями. Реконструкция символических фигур постпамяти становится механизмом переосмысления национальной идентичности.

Полученные результаты исследования и представленный методологический инструментальный анализ постпамяти могут быть использованы для углубления мнемонических исследований в контексте национальной самоидентификации, а также для осмысления направлений развития мемориальной политики в Казахстане.

Вклад авторов: З. Т. Абетова – концепция работы, методология, обзор литературы, обобщение результатов работы. **Ф.Д. Жумаханова** – сбор и анализ данных, обзор литературы. **А.Д. Абуова** – сбор и анализ данных.

Список литературы

1. Александер, Дж. (2012). Культурная травма и коллективная идентичность. Социологический журнал, (3), 5–40.
2. Бисенова, А., & Медеуова, К. (2016). Давление метрополий и тихий национализм академических практик. *Ab Imperio*, (4), 207–255.
3. Медеуова, К., и др. (2016). Практики и места памяти в Казахстане. ЕНУ им. Л. Н. Гумилёва.
4. Медеуова, К. А. (2016). К вопросу о типологии практик памяти в Казахстане. *Мир Большого Алтая*, 2(3.1), 450–458.
5. Медеуова, К., & Бисенова, А. (2016). Давление метрополий и тихий национализм в академических практик. *Ab Imperio*, (4), 207–255.
6. Медеуова, К. А. (2016). Дискурс открытых и закрытых публичных пространств. *Аль Фараби*, 3(55), 13–24.
7. Медеуова, К. А., & Сандыбаева, У. М. (2018). Сакральная география в Казахстане: коммеморативная политика государства и локальные практики в публичных пространствах. *Мир Большого Алтая*, 4(3), 437–445.
8. Нора, П. (1999). Места памяти. Изд-во С.-Петербур. ун-та.
9. Сандыбаева, У. М., & Альжанова, Г. М. (2019). «Места памяти» как культурный капитал региона: сакральный потенциал Баянаула. *Мир Большого Алтая*, 5(4), 629–647.
10. Хальбвакс, М. (2007). Социальные рамки памяти. Новое издательство.
11. Assmann, J. (2010). Communicative and cultural memory. In A. Erll & A. Nünning (Eds.), *Cultural memory studies* (pp. 109–118). Walter de Gruyter.
12. Assmann, A., & Conrad, S. (2010). Introduction. In A. Assmann & S. Conrad (Eds.), *Memory in the global age: Discourses, practices and trajectories* (pp. 1–6). Palgrave Macmillan.
13. Björkdahl, A., & Kappler, S. (2019). The creation of transnational memory spaces: Professionalization and commercialization. *International Journal of Politics, Culture, and Society*, 32, 383–401.
14. Bond, L., Craps, S., & Vermeulen, P. (2018). Introduction. In L. Bond, S. Craps, & P. Vermeulen (Eds.), *Memory unbound: Tracing the dynamics of memory studies* (pp. 1–26). Berghahn Books.
15. Erll, A. (2008). Cultural memory studies: An introduction. In A. Erll & A. Nünning (Eds.), *Cultural memory studies* (pp. 389–398). Walter de Gruyter.
16. Erll, A. (2011). Travelling memory. *Parallax*, 17(4), 4–18.
17. Halbwachs, M. (2020). *On collective memory*. University of Chicago Press.
18. Halbwachs, M. (2007). Social frames of memories. *New development*.
19. Hirsch, M. (2008). The generation of postmemory. *Poetics Today*, 29(1), 103–128.
20. Laanes, E. (2021). Born translated memories: Transcultural memorial forms, domestication and foreignization. *Memory Studies*, 14(1), 41–57.

21. Landsberg, A. (2003). Prosthetic memory: The ethics and politics of memory in an age of mass culture. In P. Grainge (Ed.), *Memory and popular films* (pp. 144–161). Manchester University Press.
22. Levy, D., & Sznaider, N. (2002). Memory unbound: The Holocaust and the formation of cosmopolitan memory. *European Journal of Social Theory*, 5(1), 87–106.
23. Nora, P. (1996). *Realms of memory: Rethinking the French past*. Columbia University Press.
24. Olick, J. K. (2018). From the memory of violence to the violence of memory. *Remembrance and Solidarity Studies*, 6, 205–217.
25. Olick, J. K. (1998). Introduction: Memory and the nation: Continuities, conflicts, and transformations. *Social Science History*, 22(4), 377–387.
26. Rigney, A. (2005). Plenitude, scarcity and the circulation of cultural memory. *Journal of European Studies*, 35(1), 11–28.
27. Rigney, A. (2015). Cultural memory studies: Mediation, narrative, and aesthetics. In R. Hagen & A. L. Tota (Eds.), *The memory studies handbook* (pp. 65–76). Routledge.
28. Rigney, A. (2022). Toxic monuments and mnemonic regime change. *Studies on National Movements*, 9, 7–41.
29. Smith, A. D. (1999). *Myths and memories of the nation*. Oxford University Press.
30. Walby, K., & Piché, J. (2016). Reflections on visual methods from a study of Manitoulin Island's penal history museums. *Annual Review of Interdisciplinary Justice Research*, 5, 56–72.
31. murat_yezshan. (2024). Instagram profile. [https://www.instagram.com/murat_yezshan/] (https://www.instagram.com/murat_yezshan/)
32. Кинопоиск. (2024). [https://www.kinopoisk.ru/film/4974311/posters/] (https://www.kinopoisk.ru/film/4974311/posters/)
33. Музей памяти жертв политических репрессий п. Долинка. (2024). [http://museum.karaganda.kz/index.php/muzei/muzej-pam-jertv-pol-repr/] (http://museum.karaganda.kz/index.php/muzei/muzej-pam-jertv-pol-repr/)
34. «АЛЖИР» мемориалды музей кешені. (2024). [https://www.instagram.com/museumalzhir/] (https://www.instagram.com/museumalzhir/)
35. Саяси қуғын-сүргін құрбандарын есте сақтау музейі. Долинка. (2024). [https://www.instagram.com/karlagmuseum/] (https://www.instagram.com/karlagmuseum/)
36. Иллюстраторы Казахстана. (2024). [https://www.instagram.com/illustrators_kz/] (https://www.instagram.com/illustrators_kz/)

З.Т. Абетова¹, Ф.Д. Жумаканова², А.Д. Абуова³

^{1,3} Л. Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан

² Әбілқас Сағынов атындағы Қарағанды техникалық университеті, Қарағанды, Қазақстан

ОТАНДЫҚ МЕДИАКЕҢІСТІКТЕГІ ПОСТЖАДЫ ДИСКУРСЫ

Аңдатпа. Ұлтты зерттеудің теориялық және дискурстық бағыттарындағы маңызды құрамдас ретінде жады бүгінгі тарихи нарративтерге қарсы тұрудың сан алуан мүмкіндіктерін қалыптастырып отыр. Бұл ұлттың нені және қандай түрде жадында сақтауы тиіс екендігіне қатысты пікірталастар арқылы қалыптасатын ұлттық өзіндік болмысты айқындау үдерісінің бір бөлігі болып табылатын постжадыны зерделеудің маңыздылығын аңғартады.

Жұмыстың мақсаты – ұлттық сәйкестік динамикасындағы маңызды субъект ретінде постжадының мнемоникалық дискурсына қатысты релевантты аналитикалық түсінік қалыптастыру.

Зерттеу әдістемесі ретінде жады (Нора, Хальбвакс, Олик), постжады (Хирш), транслокалды жады (Ригни, Эрлл) жөніндегі заманауи ғылыми тәсілдер мен ұғымдар таңдалды. Бұл тәсілдерде ұжымдық жады мен постжады ұлттық сәйкестілік динамикасын түсіндіретін маңызды мнемоникалық қауымдастықтар ретінде қарастырылады.

Зерттеудің нәтижесі үлгілік медиа мәтіндерінен алынған мәліметтерді мазмұндық талдаудың сапалық тәсілін қолдана отырып, постжады дискурсының есте сақтау мазмұнын айқындау болып табылады.

Қорытынды: постжады элеуметтік-мәдени коммуникацияның өнімі ретінде оның тасымалдаушыларының мемориалдық қызметінің әртүрлі нысандарында жүзеге аса отырып, ұжымдық өткенді қайта түсіндіре отырып, ұлттық бірегейліктің элеуметтік шеңберін өндіреді.

Жұмыстыңғылымижәнепрактикалықмаңыздылығы: жұмыстатұжырымдалғантұжырымдар ұлттық бірегейлік контекстінде кейінгі жадтың динамикасын зерттеуге, азаматтық қоғамды реинтеграциялау үшін елдегі мемориалдық саясаттың бағыттарын қалыптастыруға әдістемелік негіз бола алады. Жұмыс ұлттық бірегейлік динамикасындағы маңызды мнемоникалық пән ретінде постмеморияның мнемоникалық дискурсын зерттеуге, ұлттық қауымдастық контекстіндегі постмемориалдық өрістің динамикасын түсінуге үлес қосады.

Негізгі ұғымдар: постжады, мнемоникалық формалар, коммеморативтік тәжірибелер

Z.T. Abetova¹, F.D. Zhumakanova², A.D. Abuova³

^{1,3}*L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan*

²*Karaganda Technical University named after Abylkas Saginov, Karaganda, Kazakhstan*

THE DISCOURSE OF POSTMEMORY IN THE NATIONAL MEDIA LANDSCAPE

Abstract. Memory as a central element in theoretical and discursive explorations of the nation offers multiple avenues for rethinking established historical narratives. The question of how a collective past becomes embedded in contemporary identity gains particular relevance in current debates about what a nation should remember—and how. Within this context, the study of postmemory emerges as a critical framework for examining collective engagement with the past and its influence on the construction of national identity.

The aim of this research is to develop an analytically grounded perspective on the mnemonic discourse of postmemory as a meaningful factor in the evolving processes of national self-identification. The methodological approach draws on contemporary theories and memory studies frameworks, including the works of Pierre Nora, Maurice Halbwachs, and Jeffrey Olick, as well as key concepts from postmemory theory (Marianne Hirsch) and translocal memory studies (Astrid Erll, Ann Rigney). These perspectives consider collective memory and postmemory as integral to mnemonic communities that shape the contours of national identity.

The study employed a qualitative thematic analysis of representative media texts to identify the symbolic and semantic content of postmemory discourse. The findings demonstrate that postmemory, as a product of sociocultural communication, is expressed through diverse forms of memorial practices by its carriers. These practices reinterpret the collective past and contribute to the production of symbolic frameworks for national identity.

The conclusions presented in this article may serve as a methodological foundation for future research into the dynamics of postmemory within national identity discourse, as well as inform the development of memory policies aimed at civic reintegration. This research enhances our understanding of how postmemory functions within the mnemonic discourse and plays a pivotal role in shaping national identity, while also influencing the transformation of the public memorial landscape in the national context.

Keywords: postmemory, mnemonic discourse, commemorative practices

References

1. Aleksander A Dzh. (2012) 'Kul'turnaya travma i kollektivnaya identichnost', *Sociologicheskij zhurnal*, 3, str. 5-40. [in Russian]

2. Bisenova A., Medeuova K. (2016) Davlenie metropolij i tihij nacionalizm akademicheskikh praktik, *Ab Imperio*, 4, str. 207-255. [in Russian]
3. Medeuova K. i dr. (2016). Praktiki i mesta pamyati v Kazahstane. Astana: ENU im. L. N. Gumileva. [in Russian]
4. Medeuova K.A. (2016) K voprosu o tipologii praktik pamyati v Kazahstane, *Mir Bol'shogo Altaya*, 2 (3.1.), str. 450-458. [in Russian]
5. Medeuova K., Bisenova A. (2016) Davlenie metropolij i tihij nacionalizm v akademicheskikh praktik, *Ab Imperio*, 4, str. 207-255. [in Russian]
6. Medeuova K.A. (2016). Diskurs otkrytyh i zakrytyh publichnyh prostranstv, *Al' Farabi*, 3 (55), str.13-24. [in Russian]
7. Medeuova K.A., Sandybaeva U.M. (2018) Sakral'naya geografiya v Kazahstane: kommеморативnaya politika gosudarstva i lokal'nye praktiki v publichnyh prostranstvah, *Mir Bol'shogo Altaya*, 4 (3), str. 437-445. [in Russian]
8. Nora P. (1999) Mesta pamyati. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta. [in Russian]
9. Sandybaeva U.M., Al'zhanova G.M. (2019) Mesta pamyati» kak kul'turnyj kapital regiona: sakral'nyj potencial Bayanaula, *Mir Bol'shogo Altaya*, 5(4), str. 629-647. [in Russian]
10. Hal'bvaks M. Social'nye ramki pamyati. – M.: Novoe izdatel'stvo, 2007. [in Russian]
11. Assmann J. (2010). Communicative and Cultural Memory. In: Astrid Erll, Ansgar Nünning (eds.) *Cultural Memory Studies*. – Berlin – New York: Walter de Gruyter, 2010, pp.109-118.
12. Assmann A, Conrad S (2010) Introduction. In: Assmann A, Conrad S (eds) *Memory in the Global Age: Discourses, Practices and Trajectories*. New York: Palgrave Macmillan, pp. 1–6.
13. Björkdahl A, Kappler S (2019) The creation of transnational memory spaces: professionalization and commercialization. *International Journal of Politics, Culture, and Society*, 32, pp. 383–401.
14. Bond L, Craps S, Vermeulen P (2018) Introduction. In: Bond L, Craps S, Vermeulen P (eds) *Memory Unbound. Tracing the Dynamics of Memory Studies*. New York: Berghahn Books, pp. 1–26.
15. Erll, A. (2008) Cultural Memory Studies: An Introduction *Media and Cultural Memory*. In: Erll, A. & Nünning, A. (eds) *Cultural Memory Studies*, Berlin-New York: Walter de Gruyter, pp. 389-398.
16. Erll A (2011) Travelling memory, *Parallax*, 17(4), pp. 4–18.
17. Halbwachs, M. (2020). *On collective memory*. Chicago: University of Chicago Press.
18. Halbvax M. (2007) *Social frames of memories*. M.: New development.
19. Hirsch M. (2008) The Generation of Postmemory, *Poetics Today*, 29 (1), pp. 103-128.
20. Laanes E (2021) Born translated memories: transcultural memorial forms, domestication and foreignization, *Memory Studies*, 14(1), pp. 41–57.
21. Landsberg A. (2003) Prosthetic memory: the ethics and politics of memory in an age of mass culture. In: P. Grainge. (ed.) *Memory and popular films*, Manchester University Press, pp. 144–161.
22. Levy, D., & Sznajder, N. (2002). Memory unbound: the Holocaust and the formation of cosmopolitan memory. *European Journal of Social Theory*, 5(1), pp. 87–106.
23. Nora, P. (1996). *Realms of memory: Rethinking the French past*. New York: Columbia University Press.
24. Olick, J.K. (2018) From the Memory of Violence to the Violence of Memory, *Remembrance and Solidarity Studies*, 6, pp. 205-217.
25. Olick J.K. (1998) Introduction: memory and the nation: continuities, conflicts, and transformations, *Social Science History*, 22 (4), pp. 377–387.
26. Rigney A. (2005) Plenitude, Scarcity and the Circulation of Cultural Memory», *Journal of European Studies*, 35(1), pp.11-28.
27. Rigney, A. (2015) Cultural memory studies Mediation, narrative, and the aesthetic. In: Rever Hagen and Ana Lisa Tota (eds). *Memory Studies Handbook* London: Routledge, pp. 65-76.
28. Rigney A (2022) Toxic monuments and mnemonic regime change, *Studies on National Movements*, 9, pp. 7–41.
29. Smith, A. D. (1999). *Myths and Memories of the Nation*. Oxford University Press.

30. Walby, K, Piché, J (2016) Reflections on visual methods from a study of Manitoulin Island's penal history museums, *Annual Review of Interdisciplinary Justice Research*, 5, pp. 56–72.

31. murat_yeszhan: URL: https://www.instagram.com/murat_yeszhan/ (data obrashheniya: 01.08.2024).

32. Kinopoisk: sajt. Dostupno po adresu: URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/4974311/posters/> (data obrashheniya: 01.08.2024).

33. Muzej pamjati zhertv politicheskikh repressij: sajt. Dostupno po adresu: URL: <http://museum.karaganda.kz/index.php/muzei/muzey-pam-jertv-pol-repr/> (data obrashheniya: 02.08.2024).

34. «ALZHIR» memorialdy muzej kesheni: sajt. Dostupno po adresu: URL: <https://www.instagram.com/museumalzhir/> (data obrashheniya: 07.08.2024)

35. Sajasi kugun-surgen kurbandaryn este saktau muzeji. DOLINKA: sajt. Dostupno po adresu: URL: <https://www.instagram.com/karlagmuseum/> (data obrashheniya: 02.08.2024).

36. Illustratory Kazakstana: sajt. Dostupno po adresu: URL: https://www.instagram.com/illustrators_kz/ (data obrashheniya: 05.08.2024).

Сведения об авторах

Абетова З.Т. – автор для корреспонденции, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры социологии, Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Жумаканова Ф.Д. – старший преподаватель кафедры «История Казахстана», Карагандинский технический университет имени Абылкаса Сагинова, Караганда, Казахстан

Абуова А.Д. – докторант кафедры социологии, Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Авторлар туралы мәлімет

Абетова З.Т. – хат-хабар авторы, философия ғылымдарының кандидаты, әлеуметтану кафедрасының аға оқытушысы, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия Ұлттық университеті, Янушкевич к. 6, Астана, Қазақстан.

Жумаканова Ф.Д. – «Қазақстан тарихы» кафедраның аға оқытушысы, Әбілқас Сағынов атындағы Қарағанды техникалық университеті, Нұрсұлтан Назарбаев даңғ., 56, Қарағанды, Қазақстан.

Абуова А.Д. – әлеуметтану кафедрасының докторанты, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия Ұлттық университеті, Янушкевич к. 6, Астана, Қазақстан

Information about the authors

Abetova Z.T. – corresponding author, Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer, Department of Sociology, L.N. Gumilyov Eurasian National University, 6 Yanushkevich str., 010000, Astana, Kazakhstan.

Zhumakanova F.D. – Senior Lecturer, Department of History of Kazakhstan, Karaganda Technical University named after Abylkas Saginov, Karaganda, Ave. Nursultan Nazarbayev, 56, 100000, Kazakhstan.

Abuova A.D. – PhD student Department of Sociology, L.N. Gumilyov Eurasian National University, 6 Yanushkevich str., Astana, Kazakhstan.

Copyright: © 2026 by the authors. Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY NC) license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4>).